

Министерство образования и науки Республики Татарстан
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Институт филологии и межкультурной коммуникации
им. Льва Толстого

**Научное наследие
В.А. Богородицкого
и современный вектор исследований
Казанской лингвистической школы**

Труды и материалы
международной конференции
Том 1

Казань, 31 октября – 3 ноября 2016 г.

Казань
2016

УДК 80
ББК 81
Н34

Издается в рамках реализации мероприятий
Государственной программы
«Сохранение, изучение и развитие государственных языков
Республики Татарстан и других языков
в Республике Татарстан на 2014–2020 годы»
по заказу ГАОУ ДПО «Институт развития
образования Республики Татарстан»
(договор № 223 от 11 октября 2016 г.)

Под общей редакцией
К.Р. Галиуллина, Е.А. Горобец, Г.А. Николаева

Н34 Научное наследие В.А. Богородицкого и современный вектор
исследований Казанской лингвистической школы: тр. и матер.
междунар. конф. (Казань, 31 окт. – 3 нояб. 2016 г.): в 2 т. / под общ.
ред. К.Р. Галиуллина, Е.А. Горобец, Г.А. Николаева. – Казань: Изд-
во Казан. ун-та, 2016. – Т.1. – 360 с.

ISBN 978-5-00019-716-5 (т. 1)
ISBN 978-5-00019-715-8

В первый том трудов и материалов международной конференции
«Научное наследие В.А. Богородицкого и современный вектор исследований
Казанской лингвистической школы» включены пленарные доклады и доклады,
заявленные на секции: «В.А. Богородицкий и Казанская лингвистическая шко-
ла», «История языкознания», «Фонетика и фонология», «Сопоставительное
языкознание», «Морфемика и словообразование», «Морфология и синтак-
сис», «История языка и диалектология».

УДК 80
ББК 81

ISBN 978-5-00019-716-5 (т. 1)
ISBN 978-5-00019-715-8

© Казанский федеральный
университет, 2016

И.И.Абдулганеева
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Элиминирование русских субстантивных дериватов со словообразовательными формантами интенсификации разноуровневыми средствами немецкого языка

категория интенсивности, словообразовательные форманты
интенсификации, элиминирование, словообразовательная лакунарность,
лексические соответствия, фразеологические соответствия

Актуальность настоящего исследования обусловлена назревшей
необходимостью изучения особенностей реализации категории интен-
сивности единицами словообразовательного уровня, в том числе при
сопоставительном изучении разноструктурных языков, выявления раз-
ноуровневых средств выражения категории интенсивности при элимини-
ровании дериватов со словообразовательными формантами интенсификации (СФИ).

Эмпирическую базу исследования составили субстантивные дериваты со СФИ в русском языке и их соответствия в немецком языке. В результате использования комплекса валидных методов (методы изучения морфологии и синтаксиса, общей семантики, сопоставительного языкознания, когнитологии, методы дефиниционного, когнитивно-семантического и др.) проанализированы минитексты, содержащие маркеры категории интенсивности. Применение комплекса указанных методов обусловлено спецификой интенсификаторов, которая «состоит в их семантике, не поддающейся эксплицитному толкованию... причина этого кроется в их функциональной природе» [Лютикова 2002: 10]. Источниками материала выступили произведения авторов классической и современной русской художественной литературы Ф.М.Достоевского, М.Булгакова, М.А.Шолохова, Ч.Айтматова, А.Марининной и др. и их переводы на немецкий язык.

В ходе исследования была предложена и обоснована концепция межязыковой словообразовательной лакунарности: в принимающей

Краткая русская грамматика / Под ред. Н.Ю.Шведовой
В.В.Лопатина. – М., 1989. – 639 с.

Радищовская В.К. Морфология современного русского языка
Вводный курс: учебное пособие / В.К.Радищовская. – М.: Флинта: Наука,
2001. – 120 с.

Русская грамматика. В 2 т. / под ред. Н.Ю.Шведовой. – М., 1980. –
Т.1. – 783 с.

Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ф.П.Филин. – М., 1979. – 432 с.
Савко И.Э. Русский язык. Часть I. Фонетика. Словообразование,
Лексикология. Фразеология. Лексикография. Морфология. Орфография:
Пособие для учащихся старших классов и абитуриентов / И.Э.Савко. –
Минск: Харвест, 2005. – 480 с.

Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц:
Учеб. для студ. высш. учеб. заведений: В 2 ч. – Ч.2: Морфология. Син-
таксис / Под ред. Е.И.Дибровой. – М., 2001. – 544 с.

Шелякин М.А. Справочник по русской грамматике: учебное издание
/ М.А.Шелякин. – М.: Русский язык, 2000. – 355 с.

А.Ф.Мухамадьярова
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Фрагменты лингвоцветовой картины мира представителей немецкой, русской и татарской культур

лингвоцветовая картина мира, колороним,
немецкий язык, русский язык, татарский язык

В. фон Гумбольдт писал, что ничто иное не способно так приблизить к разгадке тайны человека и характера народов, как их язык. Определенные лексические единицы каждого народа представляют собой менталитет народа. В работах В.А.Богородицкого «угадывается попытка ответить на вопрос о причинах возникновения национально-специфического типа мышления» [Кулькова 2012: 18]. Характерные черты мировоззрения изучаемого языкового сообщества иллюстрируют примеры с компонентом цветообозначения. Материалом данного сопоставительного исследования многозначности цветообозначений послужили прилагательные «blau», «синий», «зеңгәр» «гоб», «красный» и «кызыл» в немецкой, русской и татарской лингвокультурах. Не случайно в качестве исследуемого материала мы выбрали фразеологизмы, пословицы и поговорки, сложные слова с метафорическим переносом значения, включающие компонент цветообозначения. Именно в них наиболее ярко проявляется национально – культурная специфика языка.

Прилагательное blau во многих культурах символизирует верность. В немецком языке есть фразеологизмы, в которых синий цвет связан с обманом, ложью: er lügt das Blaue vom Himmel herunter (рассказывать небывальщину; наговорить с три короба), ins Blaue hineintreden (городить вздор, молоть чушь; говорить наобум) [Duden, 11 1998: 114], jmdm. das Blaue vom Himmel versprechen (сулить золотые горы) [Wahrig 2011: 282]. Blau ассоциируется у немцев с нетрезвым состоянием, например, blau wie ein Veichen (быть вдребезги пьяным, быть в стельку пьяным), voll / blau wie eine Strandhaubitze / Hautbitze sein (быть пьяным в стельку) [Wahrig 2011: 282]. В французском языке для обозначения пьяного человека

используется другое прилагательное, а именно «gris», серый. В памятниках XV – XVI вв. встречается выражение сини очи (о глазах пьяниц). Синий в данном случае означает, что отсутствует блеск в глазах, можно также предположить, что глаза мутные, тусклые, лишенные блеска (осмысленности) [Бахилина 1975: 177–178]. Кроме этого, есть еще сложное слово *красноноска* (о пьянице) с другим цветовым компонентом.

Слово *blau* приобретает новые метафорические значения. *Blau* может выступать в качестве метафоры для обозначения состояния человека: сентиментальности, уныния – *Blauäugleiprosie*, *Blauklang*; нездорового состояния – *Blaudenker*, *Blauzustand*, *stockblau*. Прилагательное *blau* получает также негативное метафорическое значение в следующих подгруппах: значение лжи – *Blaulichtaffäre*, *Blaudunst*, *Blaumägiel*, значение жестокости – *Blaubartzimmer*, значение смерти – *Leichensackblau*. В арабском языке существуют сочетания белого, черного и красного цветов со словом «смерть». Белая смерть символизирует естественную или внезапную смерть, красная смерть употребляется при насильственной смерти, а черная смерть означает смерть от удушья [Морозова 1999: 300–304].

Проанализировав слова с метафорическим переносом, мы можем сделать вывод, что *blau* может получить как положительную, так и отрицательную коннотацию. Если мы сравним метафорические значения слов *blau*, синий, зэнгер, то можно утверждать, что в них отражается культура и душа народа. В словосочетаниях *зэнгер мон*, *зэнгер зар* прилагательное «зэнгер» усиливает грусть, тоску. Слово зэнгер может поучать также метафорическое значение надежды, мечтаний, веры, например, *зэнгер томан*. В немецком языке есть также аналогичное слово *Blaudunst*, но в немецкой языковой картине мира синий цвет приобретает метафорическое значение лжи. В языковой картине мира русского языка словосочетание синяя дымка не получает метафорического значения.

В памятниках русской фольклорной культуры синий цвет ассоциировался с магическими действиями. Это связано с тем, что он связывался с водой, где обитают злые силы. Именно поэтому синий цвет являлся символом потустороннего мира, иррационального. С синим цветом свя-

зано также большое количество обрядов и суеверий. Интересно отметить, что черт табуировано называли «синец». Синий цвет сохранял свою негативную коннотацию в течение долгого времени. Но в немецкой языковой картине мира отношение к синему цвету изначально положительное. Так в своем известном трактате «К учению о цвете» И.В. Гёте пишет: «Подобно тому, как охотно мы преследуем приятный предмет, который от нас ускользает, так же охотно мы смотрим на синее, не потому, что оно устремляется в нас, а потому, что оно влечет нас за собою» [Гумбольдт 1974: 316]. В корпусе немецкого языка встречается сложное слово «*magischblau*», которое получает метафорическое значение загадочности. Сравнив фразеологизмы, пословицы и поговорки, сложные слова с компонентами *blau* и синий, мы можем говорить о том, что языковая картина мира в русском и немецком языке отличается. В немецкой культуре нет изначально отрицательной коннотации слюси *blau*. В русском языке чувствуется большая связь синего цвета с водой, которая ассоциируется с нечистой силой. Но в немецком языке также есть некоторые выражения с компонентом *blau*, в которых чувствуются негативный оттенок, например, в фразеологизме *blau wie ein Veilchen* (быть вдребезги пьяным), *jmdm. das Blaue vom Himmel versprochen* (супить золотые горы) [Wahrig 2011: 282].

Во многих культурах гол ассоциируется с огнем, это подтверждают фразеологизмы и пословицы, идентичные в немецком, русском и татарском языках (*den roten Hahn aufs Dach setzen* [Duden 1998: 589], *посадить красного петуха на кровлю* [Даль 2002: 76], *кызыл өтөчө ничини анын, ут чыга күрмәсен* [Исанбет 2010: 361]). В языковых картинах мира татарского, немецкого и русского народов красный ассоциируется со словом красивый, прекрасный, хороший (кызыл кызганы кызыл чиккин [Исанбет 2010: 25], *rote Äpfel sind auch faul* [6000 deutsche und russische Sprichwörter 1956: 41], красную речь красно и слушать [Даль 1989: 187]), которое может принять негативную коннотацию. В татарском и русском языках красный цвет может символизировать мишуру, блеск (бар кызыл да кыз булмый [Исанбет 2010: 10]; красно, пестро а (да) толку нет [Даль 1989: 188]). В татарской языковой картине мира красный в значении «красивый» может принять негативную сему «коварный, хитрый»:

гөлкенен хэйле, туны кызыл, кыз авызында кызыл тел [Исанбет 2010: 206]. В языковой картине мира немецкого и русского языков также существует похожее значение слова красный, а именно «опасный, коварный» (roter Bart, untreue Art oder Schelmengart; рыжий да красный – человек опасный) [6000 deutsche und russische Sprichwörter 1956: 201]. Проанализированные примеры говорят о том, что восприятие красного цвета в разных культурах может совпадать.

В немецком и русском языках совпадает значение красного цвета, символизирующее богатство, деньги: kein roter Heller [Duden 1998: 321], продавец в красных сапогах ходит (щеголяет) [Даль 1989: 188]. Немцы, русские и татары краснеют от стыда (rote Ohren haben/kliegen [Duden 1998: 526], покраснеть от стыда, оятлы кызарыр, оятлы агарыр [Исанбет 2010: 571]). В немецкой языковой картине мира красный цвет получает интересные метафорические переносы значения. Так этот цвет может выступать символом поражения: rote Laterne [Duden 1998: 589] (спортивный жargon в значении «последнее место в турнирной таблице»), чего-то важного (sich etwas im Kalender rot anstreichen [Duden 1998: 368] – отметить красным в календаре), препятствия (einer Sache (jem.) rotes Licht geben). Отметим, что в немецкой языковой картине мира красный цвет может обозначать не только богатство, но и потерю: rote Zahlen schreiben (работать в убыток), in die roten Zahlen kommen/geraten, in den roten Zahlen sein [Duden 1998: 321]. Прилагательное rot получает следующие негативные метафорические переносы значения: преступление (Rotakte – документы уголовного дела), отмена, прекращение (Rotmeldung является своеобразным сигналом, оповещающим о полнотности клиники, также это слово может предупреждать о риске заражения инфекционной болезнью, Rotsiftakrobaten – политики, которые отменяют или сокращают финансирование в области социальных нужд). Слово rot приобретает также метафорическое значение запрета чего-либо, например, Rotalarin получает антонимичное значение (запрет, недостаток или отсутствие свободы действий) по отношению к фразеологизму grünes Licht für etw. geben (разрешить что-то, дать зеленый свет для чего-л.). Прилагательное rot в немецкой языковой картине мира может приобретать и положительные метафорические переносы значения

и выступать символом здоровья (heute rot, morgen tot, Salz und Brot macht Wangen rot [Байер 1989: 131]). Следует отметить, что в немецком языке отсутствует специальное слово для обозначения цвета лица здорового, свежего, молодого человека, в то время, как в русском языке есть лексема «румяный», в котором кроме цветового оттенка присутствует и оценочный элемент «здоровый, красивый».

Таким образом, проанализировав ряд лексикографических источников, примеров из корпуса текстов, мы пришли к выводу, что красный и синий цвета играют важную роль в восприятии окружающего мира. Семантика данных цветов в сравниваемых языках характеризуется, с одной стороны, достаточно высокой степенью сходства, с другой стороны – различиями, которые обусловлены культурными особенностями, различным видением мира представителями немецкого, русского и татарского этнокультурных социумов.

Литература

- Байер Х. Немецкие пословицы и поговорки: сборник / Х.Байер, А.Байер. – М.: Высш. шк. 1989. – 392 с.
- Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке / Н.Б.Бахилина. – М.: Наука, 1975. – 292 с.
- Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 396 с.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. / В.И.Даль. – М.: Рус.яз., 1989. – 779 с.
- Кулькова М.А. Русские и немецкие паремии: когнитивно-дискурсивный подход к изучению: учебное пособие / М.А.Кулькова. – Казань: «Печать-Сервис-XX век», 2012. – 214 с.
- Морозова В.С. Символика цветообозначения при описании концептов эмоции в современном арабском литературном языке / В.С.Морозова // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 300–304.
- Татар халык мәкальләре: мәкальләр жыелмасы: 3 томда / Нәкый Исәнбәт. – 2 нче басма. – Казан: Татар.кит. нәшр., 2010.

Duden. Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten: Wörterbuch der deutschen Idiomatik / bearb. von G.Drosdowski. – Mannheim: Dudenverlag, 1998. – 864 S.

Wahrig Deutsches Wörterbuch. 9. vollständig aktualisierte Ausgabe. – München: Wissen-Media-Verlag, 2011. – 1728 S.

6000 deutsche und russische Sprichwörter. Ausgewählt und verglichen von Dr. A.E. Graf. VEB MAX NIEMEYER Verlag. Halle (Saale) 1956. – 297 S.

Г.А.Николаев

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Вклад В.А.Богородицкого в развитие научных идей Казанской лингвистической школы

Казанская лингвистическая школа, экспериментальная фонетика,
диалектология, словообразование, тюркология

Когда речь заходит о научной школе, называют обычно наиболее именитых ее представителей. В Казанской лингвистической школе (КЛШ) это И.А.Бодуэн де Куртенэ, Н.В.Крушевский и В.А.Богородицкий. Каждый из них в своих трудах укреплял и развивал научную концепцию школы. Нам предстоит оценить вклад В.А.Богородицкого в развитие научных идей КЛШ.

Научные достижения В.А.Богородицкого были оценены уже при жизни ученого, и оценка эта была очень значимой, так как она была сделана основателем школы и его учителем И.А.Бодуэном де Куртенэ [Бодуэн 1963, 2: 33-56]. Как следует из обширного обзора Бодуэна работ В.А.Богородицкого, с именем последнего связано утверждение самого понятия «Казанская лингвистическая школа» [Бодуэн 1963, 2: 48], и первым, кто раскрыл содержание этого понятия, был сам основатель школы. Поводом к этому послужило высказывание В.А.Богородицкого в предисловии к его книге «Очерки по языковедению и русскому языку»: «Верный принципам Казанской лингвистической школы, основатель которой И.А.Бодуэн де Куртенэ состоит ныне профессором Петербургского университета, я полагаю, что для лингвиста первою и главнейшею заботою должно быть возможно полное и всестороннее наблюдение и изучение явлений живой речи» [Богородицкий 1901: 1]. Заслуги В.А.Богородицкого в науке о языке были оценены и известным ученым профессором Г.А.Ильинским, некоторое время работавшим в Казанском университете вместе с В.А.Богородицким [Ильинский 1927].

Итак, из всех постулатов КЛШ В.А.Богородицкий в качестве главного выдвигает необходимость изучения живых языков. Важно отметить,